

ПРОЛОГ ПОСМЕРТЬЯ

Все началось с кофе. С адски горячего кофе, который мне из ада и доставили. Ничего нового, туда ходит с нашего Перекрестка чертовски удобный грузовой лифт.

— Сливки, сахар и ... белые ушные пробки? Я ничего не забыла, ангел мой?

Женщина моей жизни — она же коллега моей мечты — такая трогательная, когда демонстративно игнорирует смертные словечки. К ее белокурым волосам, перетянутым алой лентой, фигуре нимфы и чистым голубым глазам истинного чудовища это высокомерие идет.

— Маршмеллоу, демон мой. На Земле этот зефир зовут «маршмеллоу», на планетном поясе Магелланова Облака — «икихари о до-до», а вот на Луне Водолея...

— Я зову его «белые ушные пробки». И мне вообще не до этого. Тебе, кстати, тоже.

Тогда-то я и заподозрил, что влип, но слов сразу не нашел. С глубокомысленным «э-э-э» стал вылавливать из бумажного стаканчика белые сладкие кляксы, а Гонни — Гонерилья, она всегда тяготела к Шекспиру — следила за мной, как ястреб следит за не очень сообразительным зайцем. Которого даже есть страшно: вдруг заразный?

— Быстр-рее, — прорычала наконец она. — И приведи себя в приличный вид, Руби.

— Чего? Да я и так!.. — В знак протеста я качнулся на камне, где сидел, и продемонстрировал ей свои безукоризненно начищенные желтые ботинки. — И так!.. — Пригладил начес. — Красавчик!

Но она не впечатлилась, только приподняла тонкие зачерненные брови.

— Лорд скоро придет. Точно не хочешь причесаться хоть раз за месяц?

— Ой.

Если она хотела, чтобы я притих, то я притих. Удовлетворенная, она присела на камень рядом и сделала глоток из своего стакана. Тройной эспрессо без намека на сахар, черный, как ее жизнь, да еще с лимонной цедрой. Мерзость, даже грешников таким не поят.

— Насколько скоро и зачем? — опасливо спросил я. Не для того ждал кофе, чтобы сейчас втянуть его, как бешеный слон хоботом, за пять секунд, это должно было быть что-то про «спокойное присутствие в моменте».

— М-м-м, — стройная нога Гонни пнула камешек, он испуганно отлетел куда дальше, чем позволяли законы физики. — Не знаю. Так, слушок. Ну наверное... наша планета опять в дерьме? По-моему, ожидаемо.

С этим сердитым замечанием она уставилась вдаль, на бесконечный серый пейзаж. Я посмотрел туда же, но подсказок не заметил. Камни как камни, шпиди как шпиди, туман как туман. Обычное Посмертье, наше рабочее место уже несколько веков. Ничего нового, только приветственная небесная надпись из сотен пестрых огоньков горела сегодня как-то... нервно. Мигала, рябила. Игнес-фатуи пора заменить: видимо, устали.

«Умерли? Не расстраивайтесь! Вы в надежных руках».

Не то чтобы лозунг утешал всех свежих покойников, но руки у нас правда ничего. Гонерилья — демон высшей пробы, а я ничего так ангел. Строго говоря, мы так не называемся, но хочешь работать с землянами — говори на их языке. Так что Ангелы и Демоны. И все эти «Ну да, ну да, вам в лифт, но это ненадолго, Ад не так плох, там много нескучных бесов». Или «Поздравляем, вас ждет Небо, но, пожалуйста, предупредите любого курирующего психолога, как только почувствуете пресыщение и выгорание». Или «Реинкарнация — пока не опция, но заявку можно будет подать через соответствующий отдел после реабилитационного срока». А по итогу...

— Да господи, что опять не так? — проворчала Гонерилья в пустоту, и я задумался над тем же вопросом.

— Революции, войны... идут? — Я выудил из кармана ежедневник и принялся его листать, поставив кофе у ног.

— В штатном режиме.

— Избранные рождались?

— Давно не было.

— Ведьмы расшалились? Динозавры? А может, пришельцы?

— Ру-уби, — простонала она, прикрывая лицо ладонями.

Я видел: она ого-го как расстроена, а не просто нервничает. — Динозавр тут только ты. А нашей планете даже глобально воевать в перспективе только через несколько десятилетий. Мы должны вступать в относительно мирный период, процветать и благоденствовать, а тут...

— Ауч, — я убрал ежедневник и отпил кофе снова. — Ну ладно. Не парься пока. Лорд придет — и расскажет, во что мы вяпались. А может, и наоборот, похвалит.

Она шумно выдохнула. И мы уныло замолчали, уткнув носы в стаканы.

Перекрестков много — почти у каждой планеты свой. Наш никогда не хватал с неба звезд¹, но и жаловаться было особо не на что. Земля... нормальная. Ну немного склочная и вспыльчивая. Да, пренебрегает уборкой мусора и здоровыми отношениями. Да, там случаются вещи, от которых глаза лезут на лоб. Но везде случаются. Судя по тому, что болтают коллеги, нам даже повезло: как минимум у нас никто не читает мысли и не восстает из мертвых (если последнего не хочет Лорд). И пусть мы не образец осознанности, это место трудно не любить. Всех этих писателей, выворачивающих реальность наизнанку при помощи всего-то ручки, и заводчиков ярких горластых петухов, и булочников, пахнущих так, что их самих хочется съесть, и вот тех типов, которые выдумали водяной пистолет, золотые зубы, бас-гитару, туалетную бумагу в рулонах, шоу про Скуби Ду, бальзам «Звездочка», блюда из лягушек, генетический код и липучие желтые листочки для офиса, — надо же было до такого дойти! Мне нравятся и те, кто просто доил коров, разгребал докладные, чинил электроплитки, а потом уезжал в горы,

¹ Ха-ха, поверили? Хватал, еще как. Каждый, кто после смерти прилетает в наше захолустье, вспыхивает у нас в сером небе яркой звездой. Все ради света жизни! Так что это я фигурально. — *Примеч. «ангела» Руби.*

записывался на конкурс певцов, грабил банк. Или не уезжал, не записывался, не грабил, а всю любовь отдавал колючему кактусу и толстой трехцветной кошке. Нет, правда, люди забавные. Мне трудно понять коллег рангом повыше, которые привязываются к ним, как к хомячкам или лабораторным мышкам, но иногда не привязаться невозможно. И вот...

— Где все-таки они накосячили, как думаешь? — теперь завел пластинку я.

— А вдруг мы? — Гонни кисло посмотрела в свой стакан и выплеснула остатки его содержимого на соседний камень. Камень предсказуемо загорелся. — ЧЕРТ!

— Да нет, нет... — Я сжалился и лениво бросил зефирку в огонь. Он погас. — Чего мы-то? Аккуратно всех принимали и провожали... — Я снова покосился на сверкающую надпись под низкими серыми облаками. Она замигала лиловым. — Ну вроде.

«Умерли? Не расстраивайтесь». Проще сказать, чем сделать; да, люди болезненно реагируют на свою смерть и не сразу понимают, что поменять уже ничего нельзя. Вечно просят что-то передать маме, фанатам, коту, соседям, врагам... В общем, бывают проблемы. Так что настрой Гонерильи я понимал. Она еще перфекционистка, любит идеальные показатели. Особенно психует, если Лорд... Лорд...

— Вдруг он будет меня ругать? — жалобно и яростно одновременно спросила она, и я едва не хрюкнул просто от злорадства, но даже поправлять не стал.

«Меня-я-я». Нас тут двое вообще-то, и я не так бесполезен, как ей кажется. Мои шутки-прибаутки и всякие там «Добро пожаловать, без паники, эти рога на моей голове накладные, с корпоратива прошлого остались, зато смотрите, какой у меня блокнотик с корги!» успокаивают некоторых бедняг. Но такая она, Гонни. Самовлюбленная и гиперответственная — гремучее сочетание.

— Расслабься, — вяло попросил я. — Ну... немного. — Я подумал еще чуть-чуть и предложил: — Отвлечемся пока, что ли? Расскажи мне какую-нибудь кулстори.

— Какую-нибудь что? — раздраженно переспросила она, подбросила стакан и сожгла его взглядом. Это она так стрессует. Пока не жжет коллег, все хорошо.

Я предусмотрительно прижал свой стаканчик к груди.

— Может, еще что слышала там, внизу? Как делишки у... исправляющихся и неисправных?

— Не знаю. — Она поджала губы, и я понял, что неосмотрительно врезал по больному. — Ты же знаешь, меня там не любят за то, что я блондинка. Демоны не должны быть блондинами и особенно блондинками, значит, со мной что-то не так.

— Это расизм, — назидательно поднял палец я. — И наверное, немножечко сексизм.

— Плевать, — отрезала она со вздохом и явно опять собралась замолчать.

— Ну... — Я покосился туда, куда недавно она сама столь вдохновенно глядела, — а в городе? Вроде бы ты там много зависала в последние смены, от работы отлынивала...

— Пошел ты, — тут же заершилась она. — Работаю я побольше тебя. Как в лифт кого-то загонять, так «Ой, Гонни, вот тебе плеть, а у меня лапки!», или как ты там говоришь, а как мне сходить съесть бургер, посмотреть кино и покататься на трамвайчике...

— Однажды ты каталась на трамваях, ходила на «Семнадцать мгновений весны» и ела бургеры *неделю*, — беззлобно напомнил я. — Бог со мной, но как тебе не надоело?

Гонни пожала плечами. Ожидаемо она не выглядела виноватой.

— Мне там нравится. Там спокойно. Там... понятно. И не надо закатывать глаза.

Что, правда закатил? Да, наверное. Все-таки очень мы разные, и хотя кадры вроде нас почти всегда подбирают по принципу «два сапога из разных коллекций» или даже «сапог и тапочек», я никак не привыкну. Гонерилья холодная злюка, а я заноза в заднице. Она помнит в лицо едва ли не всех со времен чумы Юстиниана, а я забываю лица за пять минут. Она про деньги и показатели КРІ, а я про прикольные сувениры, которые отжимаю у тех, кто

мне особенно нравится. Или вот: она любит Город Мертвецов, а я не выношу.

Нет, серьезно. Трамваи и бургеры правда ничего, но в остальном серость. Затхлая серость, каким еще может быть место, куда отправляются неопределившиеся? Ну, вот те, кого рано слать на Небо, жестоко — в котел, а гениальности, дающей пропуск в Безмянную Столицу — готовить к жизни юные, еще не рождавшиеся души, — нет? Один наглый тип, несколько веков назад ухитрившийся украсть наши методички и состряпать книжный бестселлер, назвал Город Мертвецов мелодичным словом «Лимб»¹. Так вот, в этом Лимбе, который возмутительно многие покойники по итогу выбирают как ПМЖ, со скуки можно умереть повторно. Хотя... в забегаловках крутят Элвиса, а в кино, кроме любимых начальством «Семнадцати мгновений» есть «День Сурка», «Искатели», «Мальтийский сокол» и «Гарри Поттер». Больше, правда, ничего — в надежде, что хоть так мертвый народ не будет засиживаться. Но засиживается все равно, ведь это удобно — когда не надо ничего выбирать и можно уложить в дрейф собственную душу.

— Проклятые, — сказала Гонни, отрывая меня от мыслей.

— Не ругайся, — машинально осадил я, но по новому тяжелому взгляду запоздало сообразил: упс.

— Ты что, не слушал? — железным голосом спросила она. — Сам же просил кулстори.

— Э-э-э... — Похоже, я задумался слишком глубоко.

— Ангел мой... — примерно таким тоном обычно обещают оторвать уши и сделать из них патчи для глаз. Но поколебавшись, Гонни смилостивилась. Все-таки Лорда ждем, а он не любит насилие. Никак, не зря сам разгуливает в обличье красивого хиппи. — Я тебе тут рассказываю про потрясающего парня, которого встретила пару веков назад. Представь себе, капитан дальнего плавания! Очень дальнего. Глаза красивые-красивые, плечи... — Она размахала руками что-то очень солидное. —

¹ Неплохо, я даже запускал петицию для переименования. Не особо поддержали, увы. — *Примеч.* «ангела» Руби.

Только вот. Проклятый из-за одного поступка. Помотался немного в Городе, но вскоре оказалось, что дальше ему пути нет и сам он ничего решать не может, вот и отправили его обратно на Землю. В надежде на какие-то новые обстоятельства.

— Угу, — вздохнул я. Многие «потрясающие» (по мнению Гонерильи) парни — как правило, пираты, ковбои, гангстеры или чокнутые ученые — заканчивали так, и никакие «обстоятельства» не давали им дорожку в рай. — Земля пухом. Вода. Или что там?

— Сволочь, — беззлобно бросила Гонерилья и лягнула меня каблуком. — А по мне, так это неправильно. Он был неплохим человеком. Он...

Я с хлюпаньем втянул в себя остатки кофе и последние зефирки. Теперь Гонни скривилась, закатила глаза, но призвать меня к приличиям не успела. А сам я не успел и причесаться: теплый ветерок растрепал начес еще безбожнее. Стакан в руке превратился в саженец оливы, который, стоило мне его выронить, шустренько пустил корни прямо в камнях нашего унылого плато. Последняя зефирка застряла в горле, я закашлялся.

— Ага, — бархатно пропело что-то в воздухе. — Вы-то мне и нужны.

Не считая зеленых насаждений и обогрева, Лорд как всегда появился без помпы — ни голубей, ни вспышек, просто тихо нарисовался рядом и хлопнул меня по спине. Выглядел он буднично: длинные русые волосы, щетина, странным образом делающая свежее лицо еще моложе, потрепанные джинсы и запыленные кроссовки в самый раз для ежеутренних пробежек. Может, он и бегаёт по облакам и астероидам, кто знает. Загадочная личность этот сын Большого Босса, один прищуренный взгляд серо-голубых глаз чего стоит. «Знаю, что облажался, но прощу». Никто больше, даже сам Босс не умеет так смотреть.

— Мой Лорд, — предсказуемо выдохнула Гонни, хорошо хоть ниц не пала, но с камня подорвалась. И покраснела, и расцвела, и разве что ладошки к щекам не прижала.

— Не «мой», а наш, — хмыкнул я. В этот раз меня не лягнули, при Лорде можно было всерьез решить, что у меня самая милая и

покладистая коллега на свете. Вот что краш животворящий делает. — Ну... привет, что ли? Чем обязаны?

Лорд сложил пальцы шпилем и прошелся вдоль той россыпи камней, которая служила нам стульями, столами и всем, что есть в приличных земных офисах. Не то чтобы нас что-то не устраивало, нет: так у всех. Бумаги заполнять не надо: одна вспышка звезды, несколько реплик, вежливое указание в нужную сторону — и работа сделана, следующий! Время тянется не хуже фунчозы, так что авралов и очередей тоже не бывает, даже когда люди вдруг умирают массово... в общем, если Лорд вдруг пришел просто с инспекцией и сейчас спросит, всем ли мы довольны, буду кивать. Так я решил, но он спросил другое:

— Войны... революции... рождения уникальных людей... идут?

— В штатном режиме, — заученно повторила Гонерилья, не сводя с него глаз голодной кошки.

— Хорошо. — Он поднял голову к мигающей надписи. Вдохнул, чинить почему-то не стал, хотя мог бы, и снова повернулся к нам. — Лиловый... плохо. Но это ненадолго. Я с новостью, мои дорогие Гонерилья и Рубироуз, — он назвал нас полными именами, да еще так проникновенно и мягко, что я окончательно понял: вопли капитально, и никакой кофе с зефирками этот стресс не снимет. — Завтра у вас снова стартуют «добавочные поколения». Соответственно, будут сюрпризы. — То ли мы ментально совпали, то ли он и прежде был тут невидимый и за нами следил, но он кривовато, хотя и по-прежнему солнечно усмехнулся. — Ведьмы... динозавры... пришельцы... что вы там еще любите?

Вопрос — риторический, впрочем, — повис в воздухе, а мы переглянулись. Не найдя реакции лучше, я смиренно вдохнул, вынул из кармана тот самый ежедневник, по которому недавно выверял потрясения, и подкинул в воздух. Гонерилья его так же смиренно сожгла взглядом. Лорд рассмеялся.

— Ну-ну. Не нужно так драматизировать.

Он сложил руки шпилем снова, и я зацепился взглядом за покрывающие их шрамы. Мда, невесело... шутки шутками, а «доба-

вочные поколения» — это даже для меня, любящего разнообразие, невеселый сигнальчик. Сигнальчик «Будешь работать как ишак все следующие лет сорок». Сигнальчик «Жопа! Приключения! Жопа!»

— Везде? — безнадежно уточнил я, и, к моему облегчению, Лорд покачал головой.

— Да нет, в нескольких странах, где сейчас и так много всего меняется. Будет... закономерное продолжение: новому времени — новые люди.

Новые люди. Ну да, да, примерно так. Опция «добавочные поколения» для того и существует — чтобы насытить застоявшееся пространство революционерами, колдунами, гениями, спасителями, творцами всяких красивых и полезных штук... Так-то они сами рождаются в нужном количестве, но бывает, что-то застревает и из перспективной души вырастает не столь перспективное существо: либо другие мешают, либо сонастройка обстоятельств у разных отделов сбоят, либо мало ли. Тогда-то «добавочных» и запускают. Хотя не только. Бывает, что...

— Насколько новые? — вкрадчиво уточнила Гонерилья. Даже она, настроенная к Лорду лояльнее всех лояльных, хмурилась. Скорее испуганно, чем сердито. — И не хотите ли вы случайно...

— Нет-нет. — Лорд в шуточном страхе приподнял ладони, тоже все в шрамах. — Что я-то там забыл, у меня на ближайший век все командировки распланированы, ну только если будут какие-то исключительные обстоятельства...

Мне не понравилось, как он это произнес. Вот тем зыбким тоном, из-за которого на месте «если» мерещится «когда». Я понадеялся, что не прав, хотя логика была: еще одна опция «добавочных поколений» — под шумок с ними к смертным иногда пробираются... несмертные. Те, которым по тем или иным причинам нужно вмешаться. Кто порой принимает такие решения сам. Вроде мелких богов или охотников из Шестого отдела. За Лордом по молодости такой кейс был, и не за ним одним. Ничем хорошим не кончилось, люди... не так чтобы терпимы к тому, чего не понимают, кого-то и на кострах в свое время сожгли.

— Ясно, — только и сказал я. — А... зачем?

Теперь и Лорд нахмурился. Но что поделывать, в отличие от Большого Босса, взгляд «Начальство не спрашивают, начальство слушаются» ему недоступен, пока или вообще. Так что я не стушевался, наоборот, заулыбался как можно шире и начал перечислять:

— У нас в одной стране правительство сменилось без танков. Другая от страшного оружия собирается отказываться. Еще две враждующие подружились. Все вроде...

— Да, — перебил Лорд. Нетипично для него, он обычно дослушивает. — Земной департамент молодцы, и вы молодцы. Я все знаю. Но дело не в этом.

— А в чем? — Я закусил губу. Ох не нравилось мне все это. — Что-то форсируете?

Так тоже бывает, да, с отстающими цивилизациями. И у нас разок было, ну когда люди застряли в том самом увлечении кострами, тяжелыми доспехами и игрой «Кто дольше не помоется». Пришлось их немножко пнуть. Но сейчас вроде все наладилось.

— Нет, — снова покачал головой Лорд, и наконец я понял: он абсолютно точно не даст сейчас конкретных ответов. Все-таки начальники все одинаковые. — Просто поверь, так будет лучше. У нас есть... старые долги и проблемы. Первые нужно в ближайшей перспективе отдать, а вторые решить. Я устал ждать. Это мой выбор.

Мутно звучало. Я пожалел, что сжег ежедневник. Гонни грустно посмотрела на пепельный след у наших ног.

— Что мы упустили? — все, что она выдавила. Вот-вот начнет просить прощения.

Лорд покачал головой и сказал то, от чего мне захотелось спрятаться... да хотя бы за крошечное оливковое деревце.

— Не вы. Я. Но разбираться придется людям.

Гонерилья облизнула губы. По лицу читалось: «Засыплю вопросами и не отстану». Я ее поддерживал. Под ложечкой противно сосало, съеденные зефирки ворочались внутри, словно собирались зажечь собственной жизнью. Но ничего спросить

я не успел: оглядев нас особенно пристально, Лорд деловито опустил на камень с видом «А теперь вспомните, что я важная птица». Ему это даже шло: куда чаще он похож на стеснительную булочку.

— Ну что... — устало спросил он, — может, кто-нибудь принесет мне кофе? Только не из Ада, пожалуйста, от него сплошная головная боль.

Надпись над его головой — «Умерли? Не расстраивайтесь...» — приветливо мигнула. Опять лиловым. А мне вдруг показалось, что «головная боль» была какой-то метафорой.

Теперь я знаю, что оказался прав, а лиловый — это очень плохо.

ПРОЛОГ ЗЕМЛИ

Тетрадь общая.

А4. 120 листов, клетка.

Правило первое: чужие секреты – это чужие секреты.

Правило второе: не забирать Сокровище из Дупла.

Правило третье: не исправлять. Лучше не будет.

— Тут же будет и личное всякое. Так что не смейте!

— Спорим, Ника, что ты первая же нарушишь собственное правило? А так по рукам.

— Какой ты вредный, Максик. Ника никогда не нарушает правила, тем более собственные. Я знаю ее с пеленок. И я такая же.

— Ну-ну, Марти.

— А ты не ухмыляйся, Крыс! Такая же, такая же!

— А давайте, когда она заполнится, спрячем ее в капсулу времени и зароем... Чтобы лет через сто кто-нибудь правда-правда нашел и прочитал? Я в кино такое видела.

— Что за дичь эти капсулы, Ась? У нас их никто не закапывает, это все на Западе.

— А вот и не дичь. Серпентинка говорит дело. Лёв, ты у нас самый престарелый и умный. Подбрось мне парочку аргументов.

— Oh well. Египтяне возвели здоровенные пирамиды — и остались в памяти поколений. Средневековые европейцы построили огромные соборы — и остались в памяти поколений.

А что останется от нас, переселяющихся во всякие интернеты? Небоскребы развалятся. Электронные тексты не сохранятся. Бумага истлеет. И что будет? Древние с пирамидами — Средневековье с храмами — огромная дыра нашего времени? Дыра в виде нас? Сашка, Дэн, *my fucking geniuses, am I right?*¹

— Да! Если мир еще будет стоять, если люди не разучатся читать, им будет интересно! Какой ерундой мы страдали!

— И Вселенная будет держаться крепко.

— Крепче, чем на самом лучшем скотче.

— Тогда давайте попробуем.

Ну привет тебе, человек будущего. Хотя не уверен, человек ли ты. Удивительно: двести-триста-четырееста лет еще не прошли, а мне уже любопытно, кто ты: парень, девчонка, разумный зеленый слизень, горячая крылатая инопланетянка или огромный робот, прилетевший уничтожить Землю. Если последнее, то хорошо подумай, приятель. Тут здорово.

Раз ты читаешь это, значит, мы мертвы. А может, повзрослели. А может, ты вообще участковый, которому пожаловались на странных личностей, регулярно ошивающих у старого дуба и прячущих что-то в его дупле? Да-да, этого самого дуба на детской площадке, у него еще ствол кто-то покрасил в синий. Если так, привет тебе от одной из нас, тоже из органов. И каждый из нас гарантирует: на этих страницах нет ничего опасного.

Только записи про нашу жизнь. Наш город. Глупости в наших головах.

Однажды нас не будет, не будет и тебя. Как не стало ацтеков, этрусков и Атлантиды. Некоторые писали на глине и хрупких свитках — и все пропало. Некоторые не писали вообще — от них ничего не

¹ Мои долбаные гении, я прав? (англ.)

уцелело. Теперь ученые даже сомневаются в их существовании. А мы не хотим, чтобы в нас сомневались. Мы есть. И пока пишем, даже немного верим, что будем всегда. Кто знает?

Макс, Ника, Ася, Марти, Лева, Саша, Дэн, Крыс.

26 апреля 2006 года

Тетрадь в темной шершавой обложке лежала в дупле, пахла клеем и старой бумагой. Широкие клетчатые листы с нерасчерченными полями пустовали, все, кроме одного.

Пока.

АРКА 1.

ДЕВОЧКИ-АМАЗОНКИ,
МАЛЬЧИКИ-ПАЛАДИНЫ

01.05.2006. Максим Гордеев

– А все потому, – назидательно сказал Зиновий Радонский, мешая в стакане дешевую бесхитростную «Кубу Либру», – что «Бараний клык» – нервный узел мира. Так и записывай, умник. Прекрасное начало для вашей повести, или что у вас там? На.

Максим не стал спорить. Просто отпил из стакана и снова взялся за ручку.

Что у нас там. Правда, было бы глупо начинать в другом месте. Третий год ходим сюда по вечерам, а иногда и днем. Это наш штаб (если думать о нас как об отряде), салун (если думать о нас как о ковбоях!) или даже второй дом (если по сути). Насколько может быть домом такая, прости, Зиновий, дырища. Ой, что это я? Обещал же себе писать красиво, как большой автор. Ну ладно, попробуем с другого бока.

Дубль два. Разводим пафос, и никаких дырищ.

Зеленый вокзал в асфальтовом венке транспортных колец – особенный. Под здешним мостом не живут тролли и феи, но чудес хватает. Например, тут словно никогда не спят. Днем и ночью вокзал шумно дышит человеческими потоками, поездами и надеждами. Здесь правит западный ветер. Он дует в Европу вопреки всем страшным сказкам о ней, дует от Минска до Венеции.

Наверное, я понимаю, почему «Бараний клык» именно тут, на Белорусском, а не на Казанском, Курском или, прости господи, Савеловском.

Вот есть такие загадочные порталы: тихо-мирно прячутся в коридорах, а потом раз — выпрыгивают на тебя, и ты уже там. Типа... последний мостик между квартирой, купе и неизвестностью. Да, Зиновий, дружище, ты прав. Не это ли узел мира? Особенно учитывая, что сваливают от тебя в прекрасные места: Париж, Вену, а то и Ниццу. На вот тех самых трансъевропейских ветрах.

Хотя все равно представляю, как люди с тебя офигевают. Идут такие по галерее магазинов, книжных и кафе, ежатся от кондиционеров, вдыхают кофейную вонь из-за чистых стеклянных дверей. А в конце, перед самым выходом на перроны, вдруг покачивается под потолком деревянная табличка, где выжжено изображение огромного барана. И вместо двери — черная, почти театральная портьера, к которой только руку протяни.

Макс поднял глаза и начал грызть ручку: опять, опять кончились слова, да что ж такое. Все-таки быть первым ужасно, нужно было отдать это право кому-то еще, у кого язык лучше подвешен... ан нет! «Кто писатель? Ты писатель». Писатель, блин... В Великой Восьмерке было как минимум две писательницы помаститее, но они прямо сейчас, хихикая, попивали винишко на другом конце стойки под бдительным присмотром курсантки академии МВД, ведьмы, химика, медика и художника. Макс вздохнул.

— Ты пей лучше, — пробасил Зиновий и пододвинул стакан к нему поближе, потом потер лысую, как бильярдный шар, голову. — Чего? Прокрастинируешь?

Макс едва не расхохотался: ну откуда в лексиконе братка — а Зиновий выглядел как типичный браток — подобное слово? И ведь без запинки выговорил. Не скажешь, что большую часть времени беседует с сомнительными личностями или разнимает драки, вспыхивающие у дальнего бильярдного стола. Что может взять двух ругающихся за шеи, ласково столкнуть лбами до кровавых мальчишков в глазах, а потом столь же ласково плюхнуться на стулья и каждому вручить по стакану крепкого. Что его уважают даже уголовники и милиция, раз до сих пор не заставили

ни дверь поставить, ни изъять из меню крепкий алкоголь, ни дробовик — может, сувенирный просто? — снять со стены над стойкой. И вот...

— Ничего я не прокрастинирую. — Макс грустно посмотрел в тетрадь, на свой крупный почерк. — Не знаю, о чем писать.

— Обо мнэ-э! — бармен гордо ткнул себя кулачищем-тыквой в грудь.

— О тебе уже есть и, думаю, еще будет.

— Тогда о них! — Он махнул на остальную компанию. Белокурая головка Аси сияла на фоне черных грив Марти и Ники. Лева хотел так, что зубы едва не светились. — Вы в конце концов... для чего затеяли-то это? Вести общий дневник? Только для потомков?

— Не думаю, — признался Макс, но осадил мысли, как рововистых коней.

— Вот и не думай, а пиши, — важно заявил Зиновий и удалился: кто-то из новоприбывших очень хотел излить ему душу.

Проводив его взглядом, Макс и правда глотнул рома с колодой, в который раз страдальчески вздохнул и склонился над страницей. На самом деле... идея у него была. С чего начинается книга? Время, место действия и... герои?

В душе не знаю, что и кто должны тут быть первыми. Может, суровая Ника с роскошной фигурой Лары Крофт и потомственной тягой ловить преступников? Или бестия Марина-Мартина-Марти, с которой они вместе росли и которая на «ты» как с разной паранормальщиной, так и с черными готическими шмотками? Или моя Ася-Асёна-Серпентинка, чьи хвостики в стиле принцессы из «Бременских музыкантов» — просто свет в конце тоннеля, а игра на саксофоне божественна? И вообще, почему сразу дам вперед? Может, первым должен быть я? Макс Гордеев, «мастер, спортсмен и ученый», ха-ха-ха? Это Марти — любительница творчества Стругацких — так меня окрестила, смешав трех героев «Экспедиции в преисподнюю». И это никак меня не характеризует, так как на следующий день она обозвала меня петухом. Нет, с себя начинать точно не комильфо. А вот дамам можно и уступить.

В умных книжках по писательству советуют давать героям пару метрических характеристик, а не размазывать описания на километровые абзацы, — чтоб читатель не уснул. Выше я попробовал, так и продолжу. Последняя дама из нашей Великолепной Восьмерки, которую я пропущу вперед, — Сашка. Сашка Пушкина, да-да, так ее и зовут, не сомневайтесь, это не псевдоним. Сестрица моя духовная — русая, кудрявая и в знак мира во всем мире носящая на голове зеленую ленточку. А еще пишет. Сказки пишет... и эх как пишет...

Макс поднял глаза и, кажется, поймал Сашкин взгляд. Не понял, так ли это: подруга отвернулась, они с Асей опять чокнулись пузатыми бокалами с рыжим грузинским вином. У Марти был такой же. Крыс забрал его, хлебнул и перекосялся так, будто в него плюнули.

— Ма-акс, иди уже отмечать! — повернулась Ася; голос ее колокольчиком прозвенел в пьяном прокуренном гвалте. Сердце привычно екнуло от нежно растянутой гласной.

— Да-да, я дописываю! — уверил он и опять заставил себя сосредоточиться. Вдохнул: нет, правда, надо было доверить первую запись Пушкиной. Та никогда не боялась неправильно подобранных слов — и может, поэтому с легкостью подбирала нужные.

Сашка, в отличие от меня-дурака, правда ухитрилась вырасти в классного автора. Все доводит до конца, а сюжеты словно с неба берет. Кстати о «с неба»! Асёна и Саша тут написали сборник, «Сказки Заблудших Душ», основанный на их снах, и победили с ним в конкурсе. Летом печатают. Интересно, когда мои курочки станут звездами, они задерут носы? Здесь должна быть минутка зависти, меня-то не печатают. Но это глупо, я слишком верю в моих курочек (ай!). И к тому же — эй, бедные мои незаконченные, сто раз переписанные книги про космонавтов и рыцарей-эльфов с кошмарными ошибками... — чего меня печатать?

Пока я не самозакопался, переключусь-ка на особой посимпатичнее и поумнее. На Дэна, например. Данилу. Нашего Левитана. Почему Левитан? Это первый художник, которого я вспомнил. Я вообще

в художниках не разбираюсь, но Данька талант. И удивительно, как талант умещается в таком... эльфийском теле. Но Дэн не обидится, если я даже ткну его пальцем и посоветую: «Иди качайся, рисовальщик». И не нарисует на меня шарж с ослиными ушами. Это болтовня, что художники — существа мстительные. Некоторые почти святые. На святого он похож: спокойный и упорный. Чего стоит один факт: каждый день Дэн встает в шесть утра, чтобы к занятиям добраться в Москву от Наро-Фоминска. А после школы еще работает в художественном магазине. Носится как бельчонок, но будто и не устает. Впрочем... художники. Кто знает, на каких батарейках они работают?

— Hey, dude¹. — На плечо легла тяжелая теплая рука; первым в поле зрения попал хромированный «Ролекс», поймавший корпусом свет из потолочного окна. — Меня тут парламентаром позвали. Мы же празднуем издание девчонок, нет?

Макс прикрыл текст ладонью, поднял голову и внимательно посмотрел в темные глаза Левки, полуприкрытые длинными каштаново-рыжими патлами. Лева оправдывал свое имя: рычал даже сейчас, когда говорил максимально дружелюбно.

— Да-да, я тут... экспозицию делаю, вот.

— Что? — Широкая, почти прямая бровь приподнялась. Левка был химиком-фармацевтом, с литературой общался формально. Тем более с литературным мастерством.

— Это, знаешь, такая штука, из которой ты узнаешь общую обстановку в книге.

— И какая у нас будет обстановка? — Лева покосился на тетрадь. Опасливо немного.

— Огонь-пожар! — пообещал Макс со смехом и дернул плечом. Левка понял, ладонь убрал. — Сейчас вот тебя увековечу и Кира, остальные все есть уже...

— Жду. — Лева деловито скрестил на груди руки, но глаза отвел — стал наблюдать то за посетителями, то за птицами, пролетающими над окном.

¹ Эй, чувак (англ.).

Оно в баре было необычной формы — в виде то ли розы ветров, то ли звезды. Большое, светлое, всегда идеально чистое, хотя, сколько Макс помнил, в баре никто не устраивал генеральных уборок. Зато он почему-то не сомневался: на плане вокзала этого окна нет. А может, нет и самого «Бараньего клыка».

Что ж, мою любовно выстраиваемую четвертую стену беспощадно ломают! А значит, я нагло нарушу порядок и расскажу о Леве, хотя он примкнул к нам последним. Но раз поговорили о Дэне, как не сказать о Леве?

И как только они поладили? Во-первых, один Ленский, другой Ларин, но это спишем на каверзы Сашкиного курчавого предка. Во-вторых, один — художник, другой — сын владельца холдинга, производящего лекарства, иммуноповышающие йогурты и биодобавки. Однажды Лева получит всю эту махину. Но дело в том, что Лева не любит получать, он любит добиваться, а интересуется чем угодно, кроме бизнеса. Отсюда в семье «буржуинов проклятых» вечные разборки: акула побольше, акула поменьше, а мамы-акулы, чтобы всех успокаивать, нет.

Гадать, почему Левка с Дэном дружат по-особому близко, можно вечно, чем и занимается Ларин-батя, Самуил, мать его, Иваныч. Но вы посмотрите на них. Дэн — худой, белобрысый, в вечно измазанных краской джинсах. Левка — по-львиному лохматый, с трехдневной щетиной, не то байкер, не то панк. Черная брутальная куртка — вещь, которая его батю особенно раздражает: он сам до золотых бандитских 90-х носил ее в походы. Сизиф (это погоняло Ларина-старшего поминает иногда отец Марти и его коллеги из ОВД) не любит вспоминать советское прошлое. Акулы вообще стараются не вспоминать времена, когда не имели зубов.

Ладно, расфилософствовался опять. Пора заканчивать. Осталась одна неординарная личность, которую так просто, в двух словах, и не опишешь. Кирилл Романов. Он же Крыс.